

Валентина
Панина

Таёжная фея

18+

18+

Валентина Панина

Таёжная фея

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Панина В. Г.

Таёжная фея / В. Г. Панина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Однажды, устав от борьбы с бандитской группировкой, Дмитрий решил перевести дух и отправился в тайгу на охоту, в надежде, что за время его отсутствия в городе что-то изменится. Побродив по тайге, решил переночевать в охотничьей избушке и каково было его удивление, когда там он увидел девушку. Она была напугана его появлением. Что будет с ними дальше вы узнаете, прочитав роман «Таёжная фея».

© Панина В. Г., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава I	6
Глава II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

*Ты прекрасная, нежная женщина,
Но бываешь сильнее мужчин.
Тот, кому ты судьбой обещана,
На всю жизнь для тебя один.*
Э. Асадов

Глава I

Она гнала зверя по тайге несколько часов без остановки. Идти было тяжело по свежеевыпавшему снегу через сугробы и завалы, широкие охотничьи лыжи тонули в пушистом снегу, и казалось, что она не идёт, а плывёт. Огромный матёрый волк, тоже выбившийся из сил, уже не мог уйти от неё далеко, но всё ещё держался на расстоянии, время от времени оборачиваясь и скаля на неё пасть, обнажая свои огромные жёлтые клыки. Александра не могла себе позволить стрелять наобум, зарядов было считанное количество, а она для себя решила, что загонит и пристрелит этого зверюгу, который всю зиму терроризирует всю деревню и режет скот. Его набеги становились всё чаще, и люди стали опасаться не только за животных, но и за свою жизнь, они боялись выйти во двор. И однажды, собрав сходку, решили снарядить охотников-добровольцев на облаву.

Сашка с детства ходила с отцом на охоту, он её научил метко стрелять и тому, как выжить в тайге, как правильно ставить силки на зверушек. У него всегда были самые лучшие шкурки, потому что он мог белке в глаз попасть. Отец научил её всем охотничьим премудростям. Но однажды отцу повстречался зверь, поднятый из берлоги зимой охотниками, он блуждал по снегу, был голоден и опасен, а у него оставался один-единственный патрон, отец возвращался домой с добычей. Медведь вышел на него неожиданно, когда он остановился, чтобы крепче привязать добычу, поставил лыжные палки надел на них рукавицы и только наклонился к санкам, как услышал шум ломающихся веток. Резко распрямившись, Матвей Ильич почувствовал зловонное дыхание медведя, попытался вытащить охотничий нож из ножен, но не смог, медведь навалился на него и в один миг лапой снял с него скальп и начал рвать, злобно рыча.

Когда в деревне собрали охотников на поиски Матвея Ильича, все, кто имел хоть какой-то охотничий опыт, пошли в тайгу. Нашли место, где случилась с ним беда на третьи сутки поисков по санкам и лыжным палкам, на которые были надеты его рукавицы с вывязанным указательным пальцем для курка. Собрали останки в мешок, загрузили его на сани с его же добычей и отправились в обратный путь.

Дома его ждали дочь и жена, которая от переживаний слегла с давлением. Сашка, его дочь, которую он воспитывал, как парня, потому что Бог сына не дал, когда привезли отца в мешке, только погладила мешок и, не уронив ни единой слезинки, отправилась копать могилу. Деревенские мужики помогли ей кто чем мог: кто домовину готовил, кто яму копал, а женщины обед поминальный готовили, так всем миром и помогли Сашке с матерью. Вера Николаевна даже на поминки не смогла встать с постели. Когда все разошлись, Сашка убрала со стола, вымыла посуду и села рядом с матерью. Мать погладила её по руке и прошептала:

– Как же мы теперь будем жить, доченька? Из всех запасов у нас осталось только то, что мужики нашли в санках: несколько соболей и колонков. Какое-то время мы сможем на вырученные за них деньги прожить, а что дальше делать, не знаю. Мы даже не можем отсюда уехать, потому что у нас нет на это денег.

– Мама, всё будет хорошо, ты только выздоравливай. Я буду ходить на охоту, и всё у нас будет. А эти шкурки мы продадим и купим продуктов, пороку, дробы и патронов. Охотники не хотели её брать на облаву, но она настояла:

– Если не возьмёте с собой, я пойду без вас.

Им пришлось согласиться, потому что они знали упрямый нрав отца, а дочь вся в него пошла, и Сашка отправилась с ними.

Они ещё на подходе к кромке тайги заметили матёрого, который далеко от деревни, видимо, не уходил, и пошли за ним, кто-то стрелял, кто-то кричал «не стрелять!» Стрелять вскоре перестали, потому что кто-то вырвался вперёд, кто-то слегка отстал и стрелять было опасно. Мужики бежали всё медленнее, стали чаще останавливаться отдохнуть. Впоследствии

выяснилось, что ни один охотник из деревни не решился гнать зверя так долго, как Сашка. Вначале охотников-добровольцев было пятеро самых отважных, но время от времени кто-нибудь отставал, а потом и вовсе возвращался домой, Александра же всё бежала и бежала за зверем. Она уже давно скрылась из глаз охотников, принимавших участие в облаве, и двигалась как заведённая, просто видела цель и пыталась её догнать. Александра уже вся была покрыта инеем, нижнее бельё всё мокрое, подшлемник, надетый под шапку, закуржавел, и сейчас ей останавливаться нельзя было, иначе быстро замёрзнет, и она продолжала двигаться.

Матёрый был силён и первое время легко большими прыжками бежал по свежавшему снегу, запутывая следы и петляя по кустам. Но чем дольше он бежал, тем труднее ему становилось, а Саша не отставала, решив во что бы то ни стало догнать зверя. Она чувствовала, что силы на исходе и ей надо бы остановиться и немного передохнуть да чайку горячего выпить, а ещё хорошо бы хоть чуть-чуть подкрепиться, а зверь никуда от неё не денется, она его по следам найдёт. Однако охотничий азарт гнал и гнал её вперед, в горле пересохло, по спине пот стекал ручейками, но она как заведённая шла и шла вперёд, подгоняемая азартом.

Когда стали наступать сумерки, она шла уже из последних сил, по инерции переставляя ноги, и смотрела вперёд, чтобы не потерять зверя из виду. Она видела, что матёрый тоже выдохся и уже не бежит по глубокому снегу так резво, как вначале. Поняв, что скоро стемнеет, она стала думать о ночлеге.

Александра присмотрела полянку и остановилась, осматривая место для ночёвки. Сняла с себя рюкзак, повесила его на ветку дерева на краю полянки и пошла собирать хворост, потом наломала сухостоя, в рюкзаке у неё были охотничьи спички и сухой спирт, развела костёр. Хворост весело взялся огоньком. Она вытащила консервы, открыла банку охотничьим ножом и поставила её на огонь, чтобы согреть, а сама села поближе к костру, повернувшись к нему спиной, чтобы подсушить на себе одежду. Через некоторое время, сняв банку с углей, она поужинала, вытащила из рюкзака термос, попила уже почти остывшего чая с травками, приготовленного дома, не забывая подбрасывать в костёр сухостой. В лесу уже давно было темно, Александра разбросала угли костра, чтобы они быстрее потухли, и, дождавшись, когда не останется ни одного тлеющего уголька, накрыла их заранее приготовленным лапником, легла на него, а сверху прикрылась спальным мешком, внутрь не полезла, чтобы, если вдруг кто-то задумает напасть, успеть среагировать. Снизу прогретая костром земля грела, и её быстро разморило, к тому же усталость давала о себе знать. Она боялась спать и решила, что только полежит, отдохнёт, а то целый день на ногах, ноги аж гудят, и только успела подумать, что спать ей нельзя, как тут же словно провалилась.

Волк продолжал бежать из последних сил, он даже не бежал уже, а трусил, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на своего преследователя. Увидев, что погоня за ним продолжается, он устремлялся вперёд и, даже когда не увидел за собой человека, всё равно продолжал бежать. Силы его стали покидать, и он, оглянувшись в очередной раз и не увидев преследователя, стал искать укромное место, где бы мог залечь и отдохнуть, хотя голод давал о себе знать. Ему сегодня не повезло, и он не успел в деревне поест, когда на него началась облава. Волк забрался в кусты и, свернувшись, лёг под раскидистый куст. Закрыв глаза и задремав, он время от времени вздрагивал, ему всё ещё казалось, что облава не закончена и его окружают со всех сторон люди. Забывшись тревожным сном, он проспал до рассвета.

Ещё только чуть-чуть развиднелось, а голод его поднял и погнал искать пищу. Волк встал, повёл носом из стороны в сторону и побежал по своим следам обратно, в сторону, откуда доносился слабый запах человека. Он был очень осторожен, и по мере приближения к человеку запах усиливался, и он уже не раздумывая бежал к своей предполагаемой добыче. Выбежав на полянку, где спала Александра, он стал медленно, с большой осторожностью подходить к ней. Когда приблизился на расстояние прыжка, остановился и оскалил злобно пасть, готовясь обрушиться на свою жертву. У него уже слюна капала

с языка в предвкушении плотного завтрака, глаза горели, все мышцы напряглись, он слегка присел, готовясь к прыжку...

Александра вдруг резко очнулась от сна и почувствовала, что кто-то на неё смотрит. Она открыла глаза и увидела метрах в пяти от себя волка, которого вчера весь день гнала через тайгу. Он стоял, ощерившись, и с утробным рыком смотрел на неё, выставив огромные жёлтые клыки, готовый в мощном прыжке достать свою добычу и впитаться в неё своими крепкими зубами, рвать на части и насыщаться, восстанавливая силы после долгого бега по сугробам. Она буквально за одно мгновение успела увидеть, что перед ней крупный, килограммов пятьдесят, хищник; морда со страшным оскалом, могучая шея, мощная широкая грудь и сильные ноги, грязная шерсть местами висела клочьями, в глазах – агрессия. Сейчас он был хозяином положения: она лежала на спине, как поверженный враг, и волк уже запел победную песню над ней, задрав голову вверх и протяжно воя, но рано зверь праздновал победу. Александре повезло, что она спала не в спальнике. Взяв обоюдоострый нож, который ей достался от отца, лежавший сбоку под правой рукой, она резко метнула его в звериную шею, волк захлебнулся своей песней, захрипел, рухнул в снег и забился в судорогах, обливаясь кровью, которая вытекала из раны и обгаляла вокруг снег, отсвечивающий голубым цветом в занимающемся зимнем рассвете. Александра сбросила с себя спальник, встала и только сейчас почувствовала, что её потряхивает и руки дрожат, она поняла, что едва избежала гибели благодаря своему чуткому сну. Подошла к волку, вытащила нож и резким движением сделала надрез на горле, чтобы кровь выбежала быстрее.

Саша сложила лапник, на котором спала, в кучу, развела костёр и поставила алюминиевую кружку со снегом к костру, чтобы растопить снег и заварить чай. Тот, что у неё оставался в термосе, решила побережечь, чтобы в пути было чем подкрепиться, а пока занялась волком. Она собралась снять с него шкуру, отрезать несколько кусков мяса и заморозить на обратный путь, на всякий случай, потому что была не уверена, что ей хватит тех консервов, которые она взяла с собой, а это хоть и противная, но всё-таки еда. Надо было всё это сделать быстро, пока он не замёрз. Александра позавтракала, подошла к зверю, посмотрела, кровь ещё вытекала из раны. Подождав немного, стала делать надрезы на лапах и дальше, как её учил отец. Сделав надрезы, она подтащила тушу к дереву, у которого невысоко были крепкие ветки, вытащила из рюкзака верёвку и, завязав её на задних лапах, перебросила верёвку через ветку и стала подтягивать на себя, чтобы подвесить зверя, так удобнее снимать шкуру. Она очень долго провозилась, но шкуру сняла и, завернув её в тряпку, затолкала в рюкзак, потом, отрезав несколько больших кусков мяса, бросила их на снег, чтобы подморозить, отвязала верёвку, опустила тушу в снег, верёвку положила в рюкзак и стала собираться в обратный путь. Прибрав место костра, забросала снегом угли, сложила куски мяса в пакеты и в рюкзак, осмотрела место ночлега, чтобы ничего не забыть, закинула рюкзак за плечи, встала на лыжи и отправилась в обратный путь. Лыжи у неё были очень удобные, ей их отец подготовил, чтобы они не откатывались назад, особенно при подъёме на горку, он подбил их камусом, который сохранил с прошлого года, когда завалил оленя.

Идти было тяжело, потому что после вчерашнего бега тело требовало хорошего отдыха в более комфортных условиях, но до них ещё далеко и поэтому нельзя расслабляться. Она шла и вспоминала, как они с отцом ходили на охоту, тоже с ночёвкой, но шли спокойно, с привалами на отдых, а такого, как вчера, ещё ни разу не было. Она сама себе удивлялась, все мужчины отстали и вернулись, а она одна гнала зверя и чуть не стала жертвой своего охотничьего азарта.

Александра шла целый день и уже еле передвигала ноги, когда, оглядевшись вокруг, вспомнила, что где-то недалеко должна быть охотничья избушка, где иногда ночевали охотники, ходившие на соболя. Она быстро сориентировалась и направилась в ту сторону, где, как она помнила, должна быть избушка, в которой они с отцом тоже как-то ночевали. Только она повернула в нужную сторону, из-за кустов вышла четвёрка волков: матёрый впереди, за ним

прибылой, за прибылым мелкий переярок, а последней шла волчица. Они были с подветренной стороны и почуяли добычу. Матёрый приготовился к прыжку, но Александра моментально сорвала с плеча берданку, и раздался выстрел. Пуля вошла волку в ухо, он опрокинулся и забился в агонии, истекая кровью. Волчица резко развернулась и скрылась за кустами вместе с молодыми волками. Саша вытащила из рюкзака маленький топорик, который всегда брала с собой, срубила две ветки лапника, вытащила верёвку, положила волка на ветки, крепко привязала его к ним и двинулась в сторону избушки, таща по снегу тяжёлую тушу матёрого.

Пока шла до избушки, воспоминания об отце нахлынули на неё. Она вспомнила, как лет в десять отец научил её ходить на охотничьих лыжах и ориентироваться в тайге по звёздам и по солнцу. Он говорил: «Прежде чем зайти в тайгу, посмотри, с какой стороны у тебя солнце, когда будешь возвращаться – оно должно быть с другой стороны, и, если вдруг заблудишься – не паникуй, остановись и осмотришься вокруг». Однажды, когда они были дома, он позвал её на улицу и, показав на звёздное небо, предложил найти Большую Медведицу. Когда она её показала, он сказал, чтобы Александра обратила внимание на Полярную звезду, которая была самой яркой среди всех, и сказал, что эта звезда всегда приведёт её домой. Он учил её читать следы, охотиться на белку и соболя и удивлялся, как дочь быстро научилась стрелять из малокалиберки, но берданку не разрешал даже в руки брать, говорил: «Тебе она не пригодится, девушки на крупного зверя не ходят». Но потом, когда ей исполнилось шестнадцать лет и она стала ходить на охоту с ним на равных, отец научил её стрелять из берданки и рассказал, как и куда бить крупного зверя. О тайге он всегда отзывался как о человеке, с большим уважением, называя её «кормилицей».

Александра очнулась от грустных воспоминаний, огляделась вокруг, и у неё даже дух захватило от красоты небывалой. До сих пор ей некогда было любоваться заснеженной тайгой, а вокруг, оказывается, сказочная красота, но усталость не даёт ей налюбоваться на это волшебное царство снега. Она постояла, чуть-чуть отдохнула и пошла дальше. Она, конечно, была девушкой тренированной, потому что с детства ходила в тайгу, но всё равно уже еле шла, её силы были на исходе. Однако Александра заставила себя не думать об усталости, ей надо было дойти до охотничьей избушки во что бы то ни стало. Она уже стала чаще останавливаться, чтобы немного передохнуть и выпить сладкого чая. После этого, взбодрившись, шла дальше и тащила свою добычу, не забывая посматривать по сторонам.

До избушки Александра добиралась долго. Если бы она не завернула в неё, а сразу направилась в сторону дома, ей пришлось бы ночевать опять на холоде. Она уже еле переставляла ноги, на белок, соболей и колонков не обращала внимания, потому что, во-первых, у неё уже сил не было, а во-вторых, у неё была берданка и патроны на волка, а их она хранила только для экстренных случаев, и тратить их попусту нельзя, потому что идти ещё долго, да она и не рассчитывала охотиться на мелочь, поэтому не взяла с собой ни силки, чтобы их расставить, ни мелкашку, с которой ходила на соболя и белок.

Из последних сил Александра добралась до нужного места. Это была небольшая избушка из грубо отёсанных брёвен, но сделана на совесть, между брёвен был проложен мох, дверь уплотнили полосками, отрезанными от голенища старых валенок. Небольшие оконца темнели проёмами.

Сашка подошла к домику, сняла лыжи, прислонила их к стене дома, скинула на снег рюкзак и занялась волком. Пока он совсем не застыл, ей надо было снять с него шкуру, чем она и занялась, не мешкая ни минуты, потому что ей очень хотелось в тепло, поесть и поспать. Когда с волком было покончено, она завернула шкуру в тряпочку, тушу оттащила подальше от избушки, бросила в снег и пошла в тёмную выставшую избушку. Нашла свечку на полке над дверью, зажгла её, сняла с себя рюкзак, подошла к печке, растопила кем-то бережно уложенные в топку дрова и, присев рядом с печкой на низкую скамеечку, стала ждать, когда пойдёт тепло.

На стенах висели пучки разных трав для чая: душицы, зверобоя, мяты и других, которые могут и согреть, и вылечить. При скудном свете свечи казалось, что по углам прячется что-то неведомое и как будто перешёптывается. Ей было страшно, потому что одной здесь ночевать ещё не приходилось. Она повернулась, окинула помещение придирчивым взглядом и, убедившись, что её страхи надуманные, успокоилась и стала смотреть на языки пламени, которые мелькали в треснувшей дверце. В избушке охотники всегда оставляли запасы: спички, свечку, хлеб, соль, крупы, была и лампа, заправленная керосином, и обязательно запас дров. Таковы законы тайги о взаимовыручке.

Пока ждала, когда нагреется избушка, от тепла, шедшего от топки её разморило, и она не заметила, как задремала на скамеечке перед печкой. Сколько она так просидела, неизвестно, но вдруг скрипнула и открылась дверь. Сашка, вздрогнув, схватилась за нож, который она всегда держала под рукой, резко вскочила на ноги и тревожно уставилась на вошедшего. Спросонья она ещё не поняла, кто перед ней, и рука её крепко сжимала рукоятку охотничьего ножа, который она готова была уже метнуть в вошедшего. А тот, весело поприветствовав её, стал стряхивать с себя снег. Сашка уже не тревожно, а изумлённо смотрела на мужчину, который снял с себя шапку и расстёгивал шубу.

Он был молод, высок и красив. Она смотрела на него и удивлялась, откуда в тайге почти ночью взялся молодой мужчина и один. Обычно охотники из их деревеньки по одному не ходили. Александра хоть на мужчин никогда не обращала внимания, но сразу поняла, что мужчина приезжий. Обычно у неё не хватало времени куда-то сходить, да и не на кого было в посёлке смотреть, молодёжь сюда не ехала. Когда они с отцом приходили с охоты, надо было срочно снять шкурки со зверушек, потом выделка шкурок занимала очень много времени, а их надо было успеть подготовить до того, как приедут закупщики пушнины, да и по дому матери надо было помочь. Если честно сказать, то и мужчин, подходящих ей по возрасту, в посёлке не было, а те, которые были, – все семейные.

Ей исполнилось двадцать пять, она была высокой, крупной девушкой с короткой стрижкой, длинных волос не отращивала, потому что в тайгу ходить с ними неудобно, но волосы и без того были её украшением, густые, с рыжим отливом. Вообще она была красивой девушкой, но сама об этом никогда не думала. А теперь и вовсе осталась единственной кормилицей в семье. Мать на охоту никогда не ходила и стрелять не умела, она всю жизнь занималась домом. Александра закончила школу, которая была в посёлке и обучали там только до седьмого класса, а потом отец её стал брать с собой в тайгу, так она и осталась жить в посёлке. Теперь она стояла и смотрела на мужчину, не сводя с него глаз.

Незнакомец разделся, прошёл, сел на лавку и сказал:

– Давай знакомиться, лесная фея! Меня Дмитрий зовут, Дмитрий Александрович Алейников. А тебя?

– Сашка, Александра Матвеевна Одинцова, – робко сказала она, в сильном волнении прижимая руки с ножом к груди.

– А почему Сашка?

– Не знаю. Меня с детства все так зовут.

– А родители?

– Отец звал Сашка, потому что он хотел сына, а родилась я, поэтому он назвал меня Сашкой, а мама просто доченькой зовёт.

– Значит, ты Александра? Красивое имя, да и сама ты красивая, тебе говорили об этом?

– У нас в посёлке нет молодёжи. – сказала она, опустив в смущении голову.

– А ты почему не уезжаешь в город?

– Некуда мне ехать, у нас нигде никого нет, мы с мамой вдвоём.

– А с отцом что случилось?

– Его шатун в тайге заломал этой зимой.

– Прости за моё любопытство. Давай не будем о грустном. Может, поужинаем, чем Бог послал?

– Давайте поужинаем, у меня есть консервы, я сейчас их разогрею и в котелок снегу наберу, вскипячу для чая.

Она вытащила две банки консервов из рюкзака, потом схватила котелок и быстро выбежала за дверь снега набрать, там остановилась, привалившись спиной к стене, и приложила руку к сердцу, которое тревожно билось в груди, как будто ему не хватало места. С ней такого ещё никогда не было, и она не знала, как ей к этому отнестись, но в груди вдруг томно стало, а перед глазами стоял незнакомец, такой большой и красивый. Александра постояла так некоторое время и, немного успокоившись от взволновавшей её вдруг неожиданной встречи, быстро набрала в котелок снега, примяв его, чтобы вошло побольше, и пошла в сторожку. Когда она зашла, Дмитрий уже открыл консервы и поставил их греться на печку, на столе лежал нарезанный хлеб и стояла фляжка. Александра поставила котелок на печку и, повернувшись к мужчине, спросила:

– А вы как в тайге оказались?

– Приехал поохотиться, но, видно, охотник из меня неважный, добычи нет, зато чуть не заблудился, хорошо, что случайно набрёл на избушку, а то пришлось бы в лесу ночевать. Обычно мы с друзьями ездим на охоту, а тут у меня небольшой отпуск нарисовался, и я решил побродить немножко по тайге. Я, конечно, не заядлый охотник, но хожу не первый год. Обычно на зайца, лису.

Александра подошла к печке, проверила консервы, они уже согрелись, она, прихватив банки рукавичками, поставила на стол. Дмитрий взял фляжку, налил содержимое в кружки и, подняв свою, сказал:

– Давай, Александра, выпьем за знакомство, неожиданное и приятное.

Она подняла кружку, они чокнулись и выпили. Спиртного она практически никогда не пила, дома у них это не приветствовалось, кроме как на Новый год и дни рождения, по чуть-чуть, как дань обычаю, и поэтому буквально через минуту у Александры наступило лёгкое головокружение. Она почувствовала, как уходит напряжение, и ей стало хорошо и спокойно.

В течение ужина Дмитрий наливал по чуть-чуть ещё пару раз, и к концу ужина Александре стало казаться, что она Дмитрия знает давно, они сидели, о чём-то болтали, в основном он говорил, а она смотрела на него не сводя глаз, а внутри разливалось тепло то ли от выпитого спиртного, то ли от того, что этот молодой мужчина вдруг взволновал её, и она смотрела на него и не понимала, что с ней происходит. Ей хотелось дотронуться до него рукой, провести ладонью по его волосам, потрогать его колючую щёку, а он всё говорит, говорит, а о чём, она уже давно потеряла нить беседы. Очнулась она от того, что Дмитрий помахал рукой перед её глазами, спросив:

– Эй, ты где?

Она, взглянув на него и опустив глаза, шёпотом сказала:

– Здесь я, видимо, пора спать, устала что-то. Как размещаться будем, полати одни? Правда, они широкие.

– Значит, поместимся, – весело сказал Дмитрий, улыбнувшись.

Александра кивнула, встав из-за стола, сняла с себя лишнюю одежду и, оставшись в спортивном костюме, легла на полати и подвинулась к стене, укрылась одеялом и затихла. Дмитрий убрал со стола пустые банки, подбросил дров в печку, задул свечку и лёг с краю. Вскоре она услышала, что он дышит ровно, значит, уснул, она закрыла глаза и вскоре тоже уснула. Проснулась среди ночи и испугалась, что, пока она спала, Дмитрий ушёл, оставив её в избушке одну. Она протянула руку и коснулась его небритой щеки, потом нежно провела по его волосам. Он взял её руку и поцеловал в ладошку, быстро повернулся к ней и стал целовать её своими горячими губами сначала нежно, чуть прикасаясь, потом всё дольше и требовательнее, и, наконец,

поцелуи стали страстными, а рука его легла на её упругую грудь, а потом стала опускаться всё ниже и ниже. Она помнит, как снимала с себя одежду дрожащими руками, а дальше всё происходило как во сне, потому что Александра ещё не знала мужчины, и всё, что с ней потом происходило, было удивительно и незнакомо. Дмитрий был удивлён тем, что у такой страстной девушки до сих пор не было мужчины, она была неутомима, как будто хотела впрок запастись мужской лаской, ей понравилось ощущать рядом с собой мужчину сильного и ласкового. Они не заметили, как за окнами рассвело, а в сторожке стало прохладно. При дневном свете она, посмотрев на Дмитрия, смутилась и сказала:

– Извините.

– Александра, ты чего? Тебе спасибо за такой подарок, фея ты лесная. Ты торопишься? Может, ещё поспим?

Он взял её за плечи и притянул к себе, она покорно положила голову ему на плечо, но вскоре у них всё повторилось, и Александре показалось, что она теряет сознание, а он всё продолжал её целовать и что-то ласковое шептал на ухо.

Потом они долго лежали и отдыхали, но надо было уже отправляться домой, и Александра, мысленно попрощавшись с Дмитрием навсегда, стала быстро одеваться.

Дмитрий сказал:

– Саша, а давай мы с тобой в этой избушке ещё денёк побудем. Здесь хорошо, спокойно, никого нет, нам с тобой хорошо, я не хочу, чтобы ты уходила сейчас.

– Я не могу остаться, у меня дома мама, она волнуется, а ей нельзя. А ты разве ещё не возвращаешься?

– Мне без тебя, Саша, здесь делать нечего. Сейчас соберёмся и пойдём. Надо дров приготовить и принести в сторожку, сейчас я этим и займусь, вот только позавтракаем.

Александра растопила печку, поставила котелок со снегом, открыла банки с тушёнкой и пристроила их на плиту, чтобы согреть. Дмитрий встал, вышел на улицу, умылся снегом, потом, набирая полные пригоршни, растёрся им, попрыгав и помахав во все стороны руками, потрусил в избушку. Он жил в городе и куда-то выезжать на отдых редко получалось, семьи у него пока не было, зато был небольшой бизнес: несколько магазинов с автозапчастями, которые требовали постоянного пребывания. О таком приключении он даже и не мечтал, и теперь не знал, как быть. С одной стороны, он эту девушку практически не знал и что-то ей предлагать не спешил, а с другой, может, это его шанс жениться на хорошей девушке, да ещё такой скромной и неопытной к её годам, это находка. А чем она сможет заниматься в городе? Киллером работать, пошутил он сам с собой. А что? Она белку в глаз бьёт, его кредиторам шкурку не попортит. Может помогать в его бизнесе пока, а потом видно будет. Ладно, он доведёт её до деревни, посмотрит, где живёт, а там поглядит. Дмитрий заскочил в сторожку раскрасневшийся после снежных процедур и, подскочив к Александре, обхватил её и прижался, говоря:

– Замёрз! Погреешь?

– Погрею. – Она обняла его и замерла.

Согревшись, Дмитрий стал одеваться, а Александра стояла и смотрела на его сильную спину, и ей хотелось подойти и погладить её, но она стеснялась при дневном свете к нему притронуться, для неё всё, что с ней произошло, было новым и неизведанным, и потому это её смущало, а ещё её смущал его взгляд, то удивлённый, то улыбающийся, она не привыкла к пристальным мужским взглядам и чувствовала себя неловко. А Дмитрий, наоборот, не сводил с неё глаз и без стеснения рассматривал. Ему всё в ней нравилось: её стать, цвет волос, большие карие глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, и полные чувственные губы.

Они позавтракали и пошли на заготовку дров. Здесь под полатями нашли топор, нарубили дров, положили сушить на печку, спички и свечку положили на место, на полочку над дверью. Там же стояла керосиновая лампа, но они не стали тратить керосин, им хватило свечки, остатки которой вернули на место. Надев рюкзаки и лыжи, двинулись в обратный путь. Алек-

сандра шла впереди, Дмитрий за ней, он решил, что ему будет удобнее за ней присматривать, так она будет всё время у него на глазах. Он ещё не знал о том, что пять здоровых, крепких мужиков не выдержали гонки за зверем, а она целый день его гнала и в конце концов победила в этой необычной схватке. Ему по привычке женщины казались слабыми, которым рядом требуется крепкое мужское плечо. Она шла быстрым размеренным шагом, он следом за ней. Когда они без остановки шли уже не первый час, а Александра ни разу не сбилась с выбранного темпа движения, он начал удивляться выносливости этой девушки и теперь уже думал, как бы перед ней не опозориться и не попросить о привале хоть на небольшой отдых, но вскоре она как будто почувствовала, что ему требуется отдых и, остановившись, повернулась к нему и спросила:

– Может, сделаем небольшой привал да перекусим чуть-чуть? Дмитрий, не почувствовав подвоха, сказал:

– Конечно, давай сделаем привал, тебе нужно немного отдохнуть, ты взяла слишком быстрый темп.

Они под деревом вытоптали площадку и, достав из рюкзаков заранее приготовленные термосы с горячим чаем, сели на рюкзаки и стали пить сладкий чай, потом Александра к чаю достала хлеб. Они перекусили, отдохнули и двинулись дальше. Сидеть долго некогда было, надо до темноты выйти из тайги.

Дальше она шла в том же темпе, а Дмитрий шёл следом и не переставал удивляться девушке. И ему вдруг пришла в голову общеизвестная фраза: «Есть женщины в русских селеньях». И это называется слабый пол! «Да у нас тут не поймёшь, кто из нас слабый пол, я, наверное, скоро упаду, а отряд не заметит потери бойца. Нет, я не могу так опозориться перед девушкой, я выдержу, скоро откроется второе дыхание, и тогда легче будет идти». Они шли до самых сумерек, а когда в тайге стало темнеть, Александра остановилась, повернулась к нему и сказала:

– Дмитрий, нам надо найти полянку для ночёвки, уже темнеет, а нам идти ещё часа три-четыре, в темноте это нереально. Дмитрий с облегчением вздохнул и согласился, сказав:

– Конечно, дорогая, как скажешь. Давай поищем полянку.

Они прошли немного вперёд и увидели поляну, на которую свернули, осмотрелись, сняли рюкзаки, расчистили место для костра и ночёвки, наломали сухостоя, натаскали веток и развели костёр. Потом Дмитрий взял топорик и нарубил лапника. Они сели на него и занялись ужином. После ужина посидели немного у костра, когда огонь прогорел и угли перестали тлеть, их с кострища разбросали, положили лапник, легли, прижавшись друг к другу, укрылись спальными мешками и уснули моментально, как младенцы.

Проснулись, когда над ними зачирикали птички, и удивились, что за всю ночь никто из них даже не шелохнулся: как легли обнявшись, так же и проснулись. Они встали, свернули спальные мешки, положили в рюкзаки и снова развели костёр, позавтракали, убрали всё за собой, надели рюкзаки, лыжи и продолжили свой путь. Расслабляться им особенно не стоило, но темп движения можно было слегка сбавить, они должны к вечеру добраться до дома. Теперь шли чуть медленнее, и Дмитрий уже не страдал так от скорости и боязни опозориться перед девушкой. Он считал себя тренированным мужчиной, но тут понял, что он всего лишь самоуверенный самец и ничего более, гонору много, а выносливости поучиться надо у девушки. Она, сама того не зная, показала ему, что такое выносливость и кто тут слабый пол.

***

Во второй половине дня, ближе к вечеру, они пришли в деревню. Александра ещё изда- лека увидела мать, которая стояла и из-под руки смотрела в сторону тайги. Саша подумала: «Сколько же там мама стоит в ожидании меня и смотрит в ту сторону, куда я ушла? Ведь муж- чины вернулись и явно сказали ей, что я побежала дальше. Бедная мамочка, ей же нельзя вол- новаться, у неё давление».

Александра помахала матери, та, заметив её, радостно замахала обеими руками и пошла к калитке встречать дочь. Когда они с Дмитрием подошли, мать вышла и кинулась обнимать Сашу, а потом, заплавав, сказала:

– Доченька! Я так переживала, тебя так долго не было.

– Мамочка, всё в порядке, познакомься, это Дмитрий, мы с ним встретились в тайге в охотничьей избушке, где мне пришлось заночевать, Дмитрий, это моя мама Вера Николаевна.

Вера Николаевна протянула ему руку, и он аккуратно пожал её ладонь. Она пригласила его зайти к ним, он с удовольствием согласился, ему хотелось отдохнуть в тепле, а может, удастся об Александре побольше узнать, ему эта девушка понравилась, но он ещё не определился в своём отношении к ней, а просто нравится – это слишком мало для принятия какого-нибудь решения.

Они зашли в дом, Вера Николаевна сказала:

– Вы пока раздевайтесь, а я пойду баню затоплю, – и быстро вышла из дома, аккуратно прикрыв за собой дверь. Пошла в баню, где всё уже было подготовлено, осталось только спичку поднести.

Вера Николаевна затопила печь и, присев перед топкой, глядя на огонь, задумалась: «Дочь вернулась из тайги не одна и какая-то совсем другая». Её материнское сердце почувствовало, что в жизни дочери что-то изменилось, и Вере Николаевне хотелось, чтобы у Саши всё было хорошо, чтобы она была счастлива. А как отразится на ней эта встреча, Веру Николаевну очень тревожило, ей не хотелось, чтобы дочь страдала, но тут, похоже, этого будет не избежать. В посёлке молодёжи нет, а этот молодой человек обогреется и был таков, поминай как звали. Как дочь это переживёт, Веру Николаевну очень волновало, потому что помочь она ей всё равно ничем не сможет.

Посидев так, пригорюнившись, с грустными мыслями о будущем дочери, Вера Николаевна вернулась в дом, быстро накрыла на стол и стала их кормить, попутно расспрашивая Сашу, как прошла облава на матёрого. Александра рассказывала, а мать и Дмитрий слушали, боясь лишний раз вздохнуть, чтобы не сбить её с мысли. Им было интересно всё, каждая мелочь, хотя в тайге, особенно зимой, мелочей не бывает. Когда она закончила своё повествование, Дмитрий другими глазами посмотрел на девушку, его восхищению не было предела, но жениться на ней он бы не стал. Она действительно, как он её там в избушке назвал, лесная фея, похоже, без тайги она уже не сможет жить, это её стихия, а он не сможет жить без города. Стало быть – это просто приятное приключение, как в сказке, и, скорее всего, продолжение не последует, несмотря на то, что таких жемчужинок в наше время не так уж и много, просто вряд ли она сможет жить без своей тайги, а жаль.

Гость остался у них ночевать, его положили спать в комнате Александры, а Александра легла в другой комнате вместе с матерью. Девушка лежала и ждала, когда мать заснёт, чтобы пойти к Дмитрию, ей очень хотелось снова прижаться к его горячему сильному телу и испытать то, что с ней было там, в избушке. Она хотела каждую минуточку растянуть на долгие часы, чтобы подольше побыть с Дмитрием. Теперь в её жизни появилась тайна, и она поняла, что отныне её ждёт другая жизнь, как бы поделенная на две: до встречи с Дмитрием и после. Вот это «после» её очень волновало новыми ощущениями и мечтами о будущем, которое она ещё не могла представить. Какое оно будет? Дмитрий ничего об этом не говорил.

Вера Николаевна лежала, и все мысли её крутились вокруг дочери и этого Дмитрия. Тут она увидела, что Александра встаёт, дочь, видимо, решила, что мать уже крепко спит, потихоньку поднялась и, стараясь не скрипнуть половицей, на цыпочках пошла из комнаты, лишь тихо скрипнула дверь её комнаты, и тишина. Вера Николаевна лежала, и мысли её тревожно заматались, она не знала, что делать и как поступить в данной ситуации. Через некоторое время она всё-таки приняла мудрое решение: сделать вид, что она спит, а дальше время покажет, что

делать, как говорят: поздно пить «Боржоми». Вера Николаевна перевернулась на другой бок и заснула на самом деле.

Утром, когда она проснулась, дочери в кровати не было, Вера Николаевна встала, оделась, вышла из комнаты и прошла в кухню, поставила чайник, умылась и по пути заглянула к дочери в комнату, а эта блудница так сладко спала на плече у мужчины, что Вера Николаевна даже порадовалась за неё: хотя бы недолгое счастье, но случилось у дочери, а может, Бог даст и продолжение будет. Она по себе знала, как бывают сладки объятия любимого, а дочери уже двадцать пять лет, давно пора замуж, а за кого? Вера Николаевна приготовила завтрак и села у стола в ожидании, когда проснётся молодёжь.

Александра проснулась и пришла в ужас от того, что она уснула около Дмитрия, и даже боялась думать, что теперь ей скажет мама. Она лежала на плече у него, и ей не хотелось даже шевелиться, чтобы его не разбудить и продлить минуты неожиданного счастья около него, такого большого, сильного и горячего. Она знала, что он сегодня уйдёт и, возможно, навсегда, а она опять останется здесь, в тайге, с мамой. Александра, чуть касаясь, погладила его по груди и, улыбнувшись, блаженно закрыла глаза, но Дмитрий почувствовал её лёгкое прикосновение, проснулся, обнял её, прижав к себе, поцеловал спросонья куда-то в висок и затих. Они лежали немного, он открыл глаза и прошептал:

– Саша, как ты думаешь, мама нас сразу убьёт или немного погодя?

– Не знаю, я боюсь об этом думать. – Она крепче к нему прижалась и затихла.

Они лежали ещё немного, и он сказал:

– Пора вставать. Если уж наказания не миновать, то пусть это произойдёт как можно быстрее. А если без шуток, то мне ещё долго добираться. У вас здесь автобусы не ходят? Как вы добираетесь до райцентра?

– Автобус ходит два раза в день, утренний уже ушёл, а вечерний будет в четыре часа. Можно с нашим соседом договориться, у него снегоход есть, может, отвезёт за плату, если он не ушёл на охоту силки проверить.

– Тогда встаём, вдруг повезёт и он окажется дома.

Александра всё ждала, что он ей что-нибудь скажет о их будущем, но он не обмолвился ни словечком, и она поняла, что ждёт напрасно. Она встала, оделась и вышла из комнаты.

Вера Николаевна сидела за столом, когда Александра зашла в кухню. Она посмотрела на смущённую дочь, подошла к ней, обняла и прошептала:

– Доченька.

– Мама прости, – только и нашлась Александра, что сказать.

Они постояли обнявшись. Когда вышел Дмитрий, уже собирали на стол завтрак.

Он умылся, зашёл в кухню, смущённо поздоровался, Вера Николаевна пригласила его к столу.

За завтраком она не обмолвилась ни словом о случившемся, а они сидели в напряжении в ожидании скандала или вопросов типа «Что думаете делать дальше?», но, не дождавшись ничего такого, немного расслабились.

После завтрака Александра сказала:

– Мама, я схожу к нашему соседу, Семену Петровичу, может, он Дмитрия отвезёт в район на своём снегоходе, утренний автобус-то уже ушёл.

– Сходи, дочка, отвезёт, если не ушёл в тайгу.

Александра оделась и быстро отправилась к соседу. Семёна Петровича дома не оказалось, и она даже порадовалась этому обстоятельству, ей хотелось ещё хоть немножко побыть с Дмитрием, потому что чувствовала, он уедет, и она его больше не увидит никогда. Вернувшись, Александра сообщила, что соседа дома нет, Дмитрий вроде даже не расстроился, а весело сказал:

– Тогда давайте мне инструменты, пойду хоть дров наколю, чтобы у вас запас был.

Они с Александрой утеплились и пошли работать. Она показала Дмитрию, где лежат напиленные кругляки, которые надо расколоть на поленья, а сама взяла лопату и стала расчищать дорожки, которые за ночь засыпало снегом. Время от времени они бросали работу и начинали кидаться снежками, бегали и, обнимаясь, падали в снег с хохотом.

Николаевна готовила обед, посматривала на них в окно, и сердце начинало болеть от переживаний за дочь. Она-то сюда приехала с любимым, и ей здесь даже нравилось, правда, каждый раз переживала, когда муж надолго уходил в тайгу, но она с ним была счастлива, а вот у дочери счастье сомнительное. Вот придёт автобус и увезёт Дмитрия, а с ним и покой дочери. Вера Николаевна пыталась представить, что бы сказал Матвей, отец Александры, по поводу случившегося, и ей показалось, что он был бы против всего этого и осудил бы поведение дочери, и тогда она стала мысленно ему возражать:

«Матвей, ты не прав. Девочке уже двадцать пять, ей давно замуж пора, а у нас тут не за кого выходить. Нет у нас в деревне ни одного жениха, все в город уехали. Надо было дочь после школы тоже в город отправить, пусть бы выучилась, профессию получила и, может, нашла бы себе хорошего мужа, а теперь что уж, что случилось – то случилось. Жалко только её, когда уедет этот Дмитрий, она будет страдать и ждать».

Дмитрий наколот им целую гору дров, и они с Александрой стали их складывать под крышу в поленицу. Только закончили работу, Вера Николаевна позвала их обедать.

После обеда Дмитрий стал собираться на автобус, и, когда пришло время идти, Александра робко спросила:

– Ты ещё приедешь?

– Приеду, – сказал он, взяв её за плечи, – как только смогу, сразу приеду.

– Я буду ждать. – Саша, я не знаю, когда смогу приехать, у меня такой бизнес, что я постоянно должен быть на работе.

– Я всё равно буду тебя ждать, сколько понадобится.

– Хорошо. Пойдём, а то автобус без меня уедет, а мне уже правда пора. – Он наклонился и поцеловал её лёгким, невесомым поцелуем в губы, обнял и, прижав к себе, погладил по спине, сказав:

– Не грусти, моя фея лесная, всё будет хорошо.

Автобус отходил вовремя, и у Дмитрия было пять минут, чтобы попрощаться с Александрой. Он не знал, что ей сказать, а молча зайти в автобус и уехать не мог, потому что эта девушка встревожила его. Он повернулся к Александре, взял её за плечи, заглянул в её карие глаза, которые были огромные и притягивали его к себе, как два омуты, увидел в них два больших вопроса и прошептал:

– До свидания, фея лесная, – он опять легко коснулся её губ своими и, отстранившись, посмотрел в её печальные глаза, сказал ещё раз:

– я приеду, – зашёл в автобус, ещё раз помахал ей рукой и, устроившись на сиденье, занялся лыжами, пристраивая их в уголок, чтобы не упали.

Автобус тронулся, Дмитрий снова обернулся, посмотрел на Александру и опять помахал. Она стояла и смотрела вслед автобусу, пока он не скрылся из виду, и слёзы, которые старалась сдерживать, душили её. Но, когда автобуса не стало видно, они полились ручьём, и Александра уже даже не пыталась их остановить. Она не помнит, когда плакала в последний раз, а теперь они лились горькие, горячие, но облегчения не приносили. Она понимала, что Дмитрий никогда не приедет, и сердце от горя сжималось внутри.

Александра потихоньку побрела домой, надеясь, что краснота глаз пройдёт, пока она дойдёт до дома и мама ничего не заметит. Но мама на то и мама, она только глянула на дочь, и всё поняла. Подошла, молча обняла её, давая понять, что разделяет её горе.

Небольшой праздник, который вдруг неожиданно случился в жизни Александры, закончился, и она по-прежнему ходила в тайгу, ставила силки, проверяла, привозила добычу, сни-

мала шкурки, обрабатывала их и шла опять в тайгу. Иногда приносила зайцев, изредка лисиц, её шкурки хорошо ценились. Она работала не покладая рук, очень часто уходила в лес и никогда не возвращалась без добычи.

Зима шла на убыль, когда однажды Александра за завтраком почувствовала себя плохо и ринулась на улицу. Через некоторое время она зашла в дом, Вера Николаевна сидела и смотрела на неё не сводя глаз, а Александра сказала:

– Чем-то отравилась, что ли? Как-то плохо мне.

Вера Николаевна, покачав головой, прошептала:

– Не отравилась, ты беременна, девочка моя.

– Как беременна?

– Такое случается, доченька, когда спишь с мужчиной.

– Это что, у меня будет ребёнок?

– Да, доченька, у нас будет малыш.

– Mamочка! Я так счастлива! Я очень хочу этого малыша!

– Да, но тебе уже нельзя ходить в тайгу. Как же мы будем жить? Я бы устроилась на работу, но у нас в деревне её нет.

– Мама, у нас же есть деньги, я ведь всегда приносила добычу, и ни одной шкурки не было испорчено, и за них нам давали хорошие деньги. Я буду ходить на охоту, пока можно, а летом в огороде овощи посадим, варенье сварим. А малыш родится, я опять начну ходить в тайгу.

– Ну хорошо, только я прошу тебя, доченька, будь осторожна и тяжёлого ничего не поднимай, тебе сейчас нельзя, если хочешь малыша сохранить.

– Очень хочу, мамочка, и буду осторожна.

– Бог даст, всё будет хорошо, – вздохнув, сказала Вера Николаевна.

У Александры началась новая полоса в жизни. Она ходила теперь вся обращённая мыслями внутрь себя, к малышу. Она с ним разговаривала, рассказывала, какая вокруг них сейчас красивая природа, какие птички щебечут вокруг, и какие зверушки бегают. Она была в радостном ожидании появления ребёнка. Ложась спать, поглаживала живот, говоря малышу:

– Спокойной ночи, мой малыш, я тебя люблю и с нетерпением жду твоего появления!

Вера Николаевна смотрела на дочь и радовалась за неё, она словно преобразилась, взгляд загадочный, просветлённый и мечтательный, она даже ходить стала по-другому и всё время разговаривает с малышом, рассказывает обо всём, что видит, и даже советуется. Вера Николаевна сама это слышала, как Александра говорила:

– Как ты думаешь, малыш, нам можно ещё хотя бы разок сходить в тайгу или уже не стоит рисковать? Ты думаешь, не стоит? Хорошо, ты прав, там действительно снег уже подтаял, ходить тяжело и опасно, особенно когда подморозит, будет катушка, нам это противопоказано.

Вера Николаевна слушала и, улыбаясь, качала головой. Она тоже малыша ждала с нетерпением, но был ещё только март, впереди несколько месяцев до его появления. Надо соседу заказать кроватку, но попозже, сейчас рановато пока.

***

Дмитрий уехал, некоторое время ещё вспоминал своё приключение в тайге и лесную фею, которую повстречал в охотничьей избушке, и то удивительное время, проведённое с ней, такой смущённой и неискушённой, которая поселилась в его сердце. Наступала весна, он закрутился в своём бизнесе, заказов было много: кто зимой ставил машину на прикол, теперь готовил её к летнему сезону, и постоянно приходилось ездить и закупать нужные детали. Во всех этих заботах Дмитрий забыл о своей таёжной фее. В городе было много девушек, и он почти не вспоминал Александру, правда, изредка она всплывала в памяти, как приятное приключение, и он сравнивал её со своей очередной пассией, но городские девушки ни в какое сравнение не шли с его феей.

Его магазины процветали, принося неплохой доход, однако приходилось крутиться, а ещё надо было платить дань крышевым азиатам, наглым и хамоватым. Наступил момент, когда к нему пришли бритоголовые молодцы и, отметелив, заставили освободить помещение, в котором находился его магазин, в самом центре города, что было лакомым куском для многих. Ему пришлось освободить, а кто бы не освободил, когда над тобой нависли отморозки с оружием, это была братва из группировки Султана, который прослыл беспредельщиком, ему нужно было помещение в центре, стоившее больших денег, и он решил прийти и просто забрать его у Дмитрия, заставив подписать бумаги, по которым хозяином теперь являлся Султан. Уходя, Дмитрия предупредили:

– Ты не расслабляйся, дорогой, мы к тебе ещё вернёмся, а ты жди.

У него был магазин, под который он арендовал помещение, а четыре магазина в разных районах города были его личные. Теперь он лишился магазина в самом лучшем проходном месте в центре города. Они почему-то решили, что Дмитрий мало им платит, и каждый раз повышали сумму, его уже почти обобрали, он чуть ли не в убыток себе работает, а ему сотрудникам надо зарплату платить, у них семьи.

Злость на них уже не давала ему спокойно работать и жить, и Дмитрий уехал на несколько дней в тайгу, чтобы успокоиться, где и встретился со своей лесной феей, но только вернулся, всё началось сначала.

Дмитрий ждать не стал, когда они заявятся, приобрёл себе на чёрном рынке винтовку с оптическим прицелом и начал обидчиков отстреливать. Он в своё время, когда ещё работал в полиции, посмотрелся на дело их рук: истерзанные молодые девушки, каждый день выезды на места происшествий, которые не обходились без трупов, и всё это были местные жители, а они себя считали хозяевами и делали, что хотели, не боясь наказания или мести. Полицейские с ними не связывались, старались не замечать, что творится вокруг, потому что они их хорошо подогревали.

После очередной потери одного из своих братьев Алихан Султанов, а в миру Султан, пришёл к Дмитрию и спросил:

– Дима, это ты моих пацанов отстреливаешь? Обиду затаил? Мстишь?

– Султан, я ещё с ума не сошёл с тобой тягаться, оно мне надо? Мне бы со своим бизнесом разобраться, я уже пожалел, что им занялся.

– Слушай, я всё-таки думаю, что это ты их отстреливаешь, но, как у вас говорят, не пойман – не вор. Но больше некому. Ты же понимаешь, что я не мент и мне не нужны никакие доказательства. Смотри! Я с тебя глаз не спущу.

– Султан, слава богу, это был не последний магазин, который меня кормит, и ты забрал у меня не последний кусок хлеба, но если кто-то стал твоих братьев отстреливать, то я, честно тебе скажу, рад. Потому что вы такой беспредел у нас в городе устроили, что даже последняя старушка готова взяться за оружие. Нет бы жили спокойно, получали свои деньги за крышевание бизнеса в городе и наводили порядок, и никто бы не был в претензии, а вы сами не умеете дела делать и другим не даёте. Разберись, Султан, сначала со своими делами, наведи порядок в своих рядах, и вас перестанут отстреливать. У тебя же правая рука не знает, что делает левая.

– Дерзишь?

– Ничуть.

– Может, ты, Дима, и правильно говоришь, я подумаю, но, если узнаю, что это ты моих пацанов отстреливаешь, я тебя буду резать на ленточки. – Султан повернулся и вышел, его братва потянулась за ним дружным строем.

Дмитрий стоял и смотрел им вслед, он запомнил все эти ненавистные рожи и решил, что ни одного гада не оставит в живых. Дмитрий был хорошим охотником, и стрелять ему не впервой, главное, не попасться, а то правда порежут на ленточки, с них станется. Он знал, в каких кабаках они проводят свой досуг, и днём проходил мимо каждого, осматривая терри-

торию вокруг и все подходы, улицы, переулки и незаметные места, откуда можно стрелять, чтобы потом уйти быстро и скрытно. Около каждого кабака он определил место, откуда будет стрелять, и куда уходить.

Вечером того же дня, когда к нему приходил Султан, Дмитрий пошёл в гаражный кооператив, где у него был гараж, но машина ему не нужна была сегодня, он пошёл за спрятанной винтовкой, которая лежала в гараже друга Гоши. Тот уехал за границу на год, а Дмитрию отдал ключи от гаража, чтобы тот присматривал за ним и за его машиной. Вот туда он и направлялся за своей винтовкой, которая лежала в спортивной сумке под коробками в углу гаража.

Приблизившись к гаражу, Дмитрий незаметно осмотрелся и, не увидев никого, быстро открыл его и проскользнул внутрь. Включив фонарик, он прошёл в дальний угол, вытащил сумку и, выключив фонарик, так же быстро выскользнул из гаража, закрыл его и пошёл к кабаку. Он был очень осторожен, потому что Султан мог начать отлов стрелка и у всех кабаков, где его люди отдыхали после «трудового» дня, мог поставить охрану, и поэтому Дмитрий подходил не спеша, осматривая окрестности и каждое дерево в отдельности. Убедившись, что всё тихо и никого нет, он лёг за крупное дерево в траву, вытащил винтовку, собрал её и, заглянув в оптический прицел, остался доволен. Теперь осталось дожидаться появления нужного объекта. Он лежал не шевелясь, всё тело затекло, но вдруг услышал шум, дверь кабака открылась и оттуда вывалилась пьяная компания с девицами. Дмитрий посмотрел в прицел и увидел двух бритоголовых, которые сегодня приходили к нему вместе с Султаном, он прицелился и, затаив дыхание, выстрелил. Бандит рухнул как подкошенный, а Дмитрий, воспользовавшись паникой подгулявших, развинтил оружие, сложил его в сумку и быстро покинул территорию. По два раза он никогда не стрелял, всегда только один выстрел, но промахов никогда не было.

Он вернулся в гараж, спрятал сумку и медленно, гуляющей походкой отправился в сторону дома. Когда проходил через парк, встретил соседа, выгуливающего собаку, постояли, поговорили по-соседски и разошлись, Дмитрий пошёл домой, а сосед – дальше выгуливать своего пса.

Полиция сбилась с ног и пребывала в недоумении, кто такой дерзкий появился. Стали гадать, кто бы это мог быть и чем ему насолил Султан, что он решил пойти против него и начал отстреливать его бандитскую братву. Если это киллер появился, то кто ему будет заказывать шестёрки, уж стрелять, так самого Султана. А Султан уже рвёт и мечет, совсем озверел; что за стрелок появился, понять не может. Стали думать, кому он особенно насолил в последнее время, и поняли, что только Дмитрий Алейников может мстить за магазин, обиженных было много, но самым дерзким из них всё-таки им казался Дмитрий. Поговаривали, что Султан забрал у него магазин в центре города. Хорошее, доходное место, но Дмитрий вроде нормальный мужик, не должен пойти отстреливать обидчиков, хотя он ведь охотник и ружьё у него есть. Надо бы проверить на всякий случай.

И вот в один из вечеров к нему нагрянула полиция. Особенно не зверствовали, потому что Дмитрий совсем недавно был их сотрудником и у них были сомнения, что он тот стрелок, но проверить на всякий случай решили. Обыск они не устраивали, потому что для этого нужны основания, а у них на Дмитрия ничего не было, кроме подозрений, что он может мстить за отобранный магазин, поэтому приехавшие полицейские так и сказали:

– У нас есть подозрения, что это ты, Дмитрий, отстреливаешь азиатов, мстишь за свой магазин.

– Ага! А раньше их кто отстреливал и за что? – не подскажите?

– Ищем.

– Лучше ищите, и нечего без дела людей беспокоить. Если у вас есть подозрения, значит, ищите доказательства.

– Дмитрий, ты же охотник и ружьё у тебя есть, покажи нам его и документы.

Дмитрий встал с кресла, пошёл в кладовку и принёс свой карабин. Полицейский Артём, с которым он когда-то работал, сказал:

– Когда на охоту последний раз с ним ходил?

– Очень давно, зимой, до Нового года.

Артём вытащил карабин из чехла и понюхал ствол, но запаха пороха не почувствовал и вернул карабин Дмитрию, сказав:

– Классная штука, полуавтомат, вот бы пострелять из такого.

Они проверили документы на него, встали и пошли к выходу. Закрыв за ними дверь, Дмитрий с облегчением вздохнул, понимая, что ему надо быть осторожнее, раз у них нет подозреваемых, они могут установить за ним слежку, на всякий случай, чтобы просто его проверить. Лишиться магазина – это веская причина для мести, поэтому и пришли к нему, но предъявить ему им нечего.

***

– Кто же это может быть? – задумался Султан, – узнаю, порву!

Но вдруг он вспомнил о недавних разборках с местными пацанами. По численности они стоили друг друга, но местные не жалуют пришельцев, а у них тут уже образовалась своя диаспора, под ними рынок и весь мелкий бизнес, местные контролируют рестораны, торговые центры и прочие крупные точки, приносящие большие деньги. Своих пацанов он предупредил, чтоб были осторожнее, смотрели в оба, может, это из группировки Ветра самовольничают, а он и знать ничего не знает об их проделках.

Ветер, или Ветров Илья Александрович, держал местную братву в ежовых рукавицах, без его ведома они лишний раз вздохнуть боялись, но и не обижал он их почём зря, а если у кого-то возникала проблема, помогал её решить. Братва его уважала, и без его ведома никто не посмел бы отстреливать пришельцев, хотя они уже всем поперёк горла были, беспредельщики. Ветер подумывал уже об освобождении города от них. А тут стало известно, что азиаты на рынке занялись подпольной продажей наркотиков. Мало здесь их беспредела, так теперь ещё и наркотики. Отдел по борьбе с наркобизнесом сбился с ног, не могут отследить цепочку поставок. На таможне вроде все люди проверенные, как азиатская группировка умудряется их провозить, где это хранится, и кто распространяет – никаких зацепок нет. Он слышал, что кто-то уже отстреливает надоевших чужаков, но точно знал, что это не его пацаны. А вот о стрелке догадывался, кто это может быть, и наблюдал со стороны, чем это закончится. Ему нравился этот стрелок своей упёртостью и бесстрашием.

Дмитрий не хотел обращаться к Ветру за защитой, чтобы не ходить ни у кого в должниках, и поэтому свою проблему решал сам, он думал: раз им так легко удалось забрать у него один магазин, значит, они скоро придут за вторым, а может, за всеми сразу. Прошло несколько дней с тех пор, как он сидел в засаде у кабака, пора снова наведаться, но к другому. Он сходил, прогулялся мимо следующего притона, осмотрелся, прикинул, где самая удобная и безопасная позиция, и отправился на работу.

Вечером он задержался допоздна и уже по темноте поехал в гараж, взял сумку и отправился на позицию. Машину он оставил за углом, у круглосуточного магазина. Подходил к объекту осторожно, чтобы не попасть в засаду, если вдруг решат её организовать. Он благополучно добрался до выбранного места и стал ждать. Братва засиделась допоздна, Дмитрий уже стал подумывать, что они будут сидеть до рассвета и зря будет потеряно время, как вдруг увидел, что в темноте кто-то к нему приближается. Дмитрий решил, что это один из людей Султана, приставленный за ним присматривать, приготовился дать отпор, но лежал тихо, ждал, что будет дальше. Человек подошёл, остановился, пошатался и, посмотрев на распластавшуюся фигуру на земле, проговорил сам себе:

– Во мужик даёт, набрался так, что тут же, у кабака, и прилёт. Видимо, хорошо погулял. Ну отдыхай, мужик, а я как-нибудь уж до дома буду добираться, – и потихоньку пошёл дальше.

Дмитрий с облегчением вздохнул и подумал: «Ну, хорош, еле ноги переставляет, идёт по бездорожью, но направление держит. Молодец!»

Он стал опять гипнотизировать дверь кабака. Вскоре подгулявшая братва стала выходить, Дмитрий смотрел в оптический прицел и ждал удобного момента. И вот он... знакомый... прицел... выстрел... враг опрокинулся и рухнул. Дмитрий быстро разобрал винтовку, сложил в сумку, схватил её и бегом к машине, пока не опомнились. Добежал, сел, спокойно вырулил со стоянки и поехал в гараж, покрутив немного по городу на случай слежки. На его счету уже было несколько самых отъявленных уродов, что они «отъявленные» он знал ещё с тех времён, когда сам работал в полиции, и теперь не собирался на этом останавливаться, хотя решил сделать перерыв на некоторое время, чтобы все успокоились. Он не боялся, что его кто-то вычислит, потому что у него открытый, честный бизнес, он исправный налогоплательщик, а ещё исправно платит дань Султану, пока ни у кого претензий к нему не было. Дмитрий не был женат, и ему не надо было переживать за семью, что с ними что-то может случиться, в этом плане он был неуязвим. Ему даже во сне не могло присниться, что где-то далеко в таёжном посёлке его лесная фея ждёт от него ребёнка.

***

Наступило лето, Александра уже давно на охоту не ходила, готовила приданое для малыша. Сходила к соседям, чтобы кроватку заказать. Когда зашла к ним в дом, Анна Трофимовна, жена соседа, посмотрев на неё, пошутила:

– Александра, никак в тайге суженого встретила?

– Вы угадали, Анна Трофимовна, в тайге встретила. Семён Петрович-то дома? Я хотела ему кроватку для малыша заказать.

– Пошёл в магазин, скоро придёт. Будешь ждать или позже придёшь?

– Да я позже зайду. – Александра повернулась и пошла домой.

Вера Николаевна работала в огороде, пропалывала грядки, Александра подошла и задала ей вопрос, который её давно мучил:

– Мама! А рожать больно?

– Доченька, дети легко не даются, хоть рожать, хоть вырастить. Ты не бойся, не ты первая, не ты последняя, всё будет хорошо. – сказала Вера Николаевна и, улыбнувшись, посмотрела на дочь.

– А как же отсюда в больницу попасть, когда понадобится?

– А Ксения Александровна на что? Она же тут у нас в посёлке, считай, у всех роды принимала, она же медсестра и очень опытная, так что не переживай, дочка. Отец, жаль, не дожил до внуков. Ты, главное, береги себя и малыша.

Александра, кивнув, отправилась в дом готовить обед, мать ей не разрешала работать на огороде, ей осталось ходить всего ничего, какой-то месяц, и Вера Николаевна дочке не давала делать ничего такого, что могло навредить ей и вызвать преждевременные роды.

Александра приготовила обед и снова пошла к соседу. Семён Петрович уже был дома и, увидев её, спросил:

– Что, Александра, готовишься? Уже, наверное, скоро малыш у тебя появится?

– Да, Семён Петрович, через месяц.

Семён Петрович покачал головой и с доброй улыбкой сказал:

– Это ж надо, Александра, как тебе повезло, в деревне у нас не нашла себе жениха, а в тайге встретила своего суженого, не зря говорят: от судьбы не уйдёшь, значит, тебе так было суждено встретить его в тайге. Ты ж кроме тайги никогда никуда не ходила, да у нас тут и ходить-то некуда, а надо ж, малышом обзавелась. Молодец, Александра, нечего ждать милости от природы, взять всё в свои руки – наша задача. Отец-то хоть стоящий?

– Стоящий, Семён Петрович, только он не знает, что он скоро отцом будет.

– Он что-ж, свои координаты тебе не оставил?

– Да я их не спрашивала, он говорил, что в городе у него несколько магазинов с автозапчастями. Где живу, он знает, захочет – приедет. А вообще, нам одним хорошо, мы с мамой начинаем привыкать обходиться без мужской силы.

– Ты, Александра, если что надо помочь – зови. Мы всё-таки соседи и должны помогать друг другу.

– Спасибо, Семён Петрович, вот сейчас мне как раз нужна ваша помощь, кровать бы малышу сделать.

– Об этом ты, девонька, не беспокойся, будет тебе кровать к сроку, не хуже, чем в магазине.

– Спасибо. Ну, я пойду... – то ли просто сказала, то ли спросила Александра.

– Иди и не беспокойся, всё будет сделано в лучшем виде и вовремя, – заверил её Семён Петрович.

Александра пошла домой, прошла в огород, позвала мать обедать и отправилась накрывать на стол.

***

Месяц пролетел незаметно. Однажды ночью Александра проснулась от резкой боли и от неожиданности закричала так громко, что перепуганная мать влетела к ней и, остановившись, ошалело смотрела на Александру, а та, уже прокричавшись и выкатив от испуга глаза, спросила:

– Мама, что это было?

– Это, доченька, значит, что мне пора бежать за Ксенией Александровной, а ты лежи и не вставай, я живу. – Она развернулась и, выбежав из комнаты, быстро накинула на себя халат и как была в тапочках, так и понеслась что было сил по ночной улице, не разбирая дороги, к дому, где жила медсестра.

Вскоре они вернулись вдвоём. Ксения Александровна распорядилась приготовить тёплую воду и простыни, а сама отправилась к Александре в комнату... К утру у неё под боком мирно сопел малыш, а Александра лежала и любовалась им, не сводя глаз со своего красавца. Это был крупный, с чёрными волосиками мальчик, при свете дня она посмотрела на сына и увидела ЕГО глаза. Она Дмитрия ждала постоянно и украдкой от матери всё поглядывала в конец улицы, где останавливался автобус. Он ей ничего не обещал, а она от него ничего и не ждала, но, уезжая, он обронил фразу: «Как только смогу – приеду», – и она ждала. Теперь она смотрела на сына, и сердце её пело от счастья – у неё ЕГО сын и он похож на НЕГО.

Александра вспомнила его жаркие объятия и вдруг почувствовала в сердце тревогу. Она решила, что, как только сын немного подрастёт, она поедет в город и найдёт Дмитрия, посмотрит на него хотя бы со стороны. Александра часто вспоминала его горячие губы, и сразу становилось томно, а сердце начинало биться с такой силой, как будто вот-вот выскочит, мысли тут же уносили её в ту волшебную ночь, когда они вместе были в охотничьей избушке.

Теперь дни у Александры пролетали незаметно в заботах о малыше. Она смотрела на своего Димочку, а видела Дмитрия. Она его называла Дим Димыч, а он радостно агукнул и весело дрыгал ножками и ручками, как будто понимал, что это к нему обращаются. Дни проходили за днями, недели за неделями, лето закончилось, и осень вовсю уже вступала в свои права. Кажется, совсем недавно лето осторожными шагами несмело меняло весну. Раскрывало нежные лепестки летних цветов и разносило лёгким ветерком пленительные запахи молодой листвы и чарующие ароматы цветов, а горячее солнце раскрывало свои объятия всему живому, и стоило ему показаться из-за горизонта, как его ласковые лучи заглядывали в окна, чтобы пожелать людям доброго утра. Но лето, как всегда, пролетело очень быстро и незаметно, а вокруг уже вовсю хозяйничала осень, перекрашивая листву в разные цвета, и теперь деревья стояли, разноцветные и праздничные, как бабушкин пёстрый ковёр, но, глядя на эту красоту, почему-то становилось грустно.

Дим Димычу пошёл второй месяц, Александра с ним много гуляла, разговаривала, и, когда брала на руки и прижимала к себе, у неё сердце заходило от счастья.

Вера Николаевна занималась заготовками на зиму, Александра иногда помогала ей, а в свободное время бабушка сидела с внуком, а Саша шла на заготовку дров. Поленница, заготовленная ещё отцом, практически закончилась, Александра переколола все кругляки, которые тоже были заготовлены отцом, но на зиму этого не хватит, придётся по первому снегу ходить с санками в лес и рубить сухостой.

Сосед Семён Петрович, заглянув как-то через забор и увидев, какие запасы дров у женщин остались, пошёл к мужикам, нашёл тракториста и договорился съездить в тайгу и привезти дров соседкам. Так и сделали, собрались и отправились за дровами. Вечером, когда к их дому трактор притащил целую связку сосновых и берёзовых стволов, Вера Николаевна выскочила и, удивлённая, остановилась у калитки, прижимая руки к груди, а мужики уже развязывали тросы, которыми были стянуты деревья. Их перекатали ближе к забору, аккуратно уложили, подошли к Вере Николаевне со словами:

– Принимай, хозяйка, работу, теперь на всю зиму вам хватит дров, потом придём с пилой, распилим на кругляки.

Вера Николаевна, ничего не сказав, заплакала.

Семён Петрович подошёл, погладил её по плечу и прошептал:

– Ничего Вера, прорвёмся, ты не одна.

Через неделю Семён Петрович организовал пОмочь, пришли мужики с бензопилой, перепилили всё на кругляки, перетаскали под крышу и уложили аккуратно, часть кругляков перекололи на поленья и сложили в поленницу. Работа была проделана большая, работники, уставшие и голодные, потому что от обеда отказались, хотелось быстрее закончить с дровами, еле держались на ногах. Вера Николаевна приготовила ужин и пригласила их к столу. Достала из старых запасов бутылочку беленькой. Мужики, увидев такое неожиданное дополнение к ужину, оживились. Семён Петрович на правах ближайшего соседа разлил водку по рюмкам и сказал:

– Ты, Вера, если что надо, обращайся без стеснения, это хорошо, что я заглянул проверить, что у тебя с дровами, а то зима на носу, а ты молчишь. Дочку пожалей, а то надорвётся, а ей пацана вырастить надо. Мы тут все уже много лет живём, как одна большая семья, и должны помогать друг другу. Ну, давайте, мужики, с устатку не грех по маленькой принять.

Они выпили и стали с аппетитом есть. Александра, уложив малыша спать, вышла к ним, зашла в кухню, где мужчины уже весело переговаривались, приняв ещё по одной рюмочке для аппетита, подошла к столу и сказала:

– Спасибо вам за помощь, а то мне пришлось бы всю зиму возить сухостой на санках, некогда было бы ходить на охоту.

– Ты собираешься ходить на охоту? А ребёнок как же? – спросил Семён Петрович.

– Да я ненадолго и недалеко, сбегая, силки поставлю и домой, на следующий день сбегая, проверю и опять быстро домой, а пока меня не будет, мама посидит с Дим Димычем.

– Так это у нас тут Дим Димыч подрастает?

– Да! Он у нас Дим Димыч. – сказала с гордостью и улыбкой Саша.

– Молодца, Александра! – сказал Семён Петрович. Потом, повернувшись к мужикам, продолжил:

– Матвей хотел сына, а смотрите, какая у него получилась дочь, загляденье! А в тайге бегают как! Как прошлой зимой зверя загнала и шкуру принесла домой, а! А наши сыновья где? В городе. Был бы Матвей жив, он бы гордился своей дочерью и нисколько бы не пожалел, что у него не сын. Ладно, мужики, надо дать людям отдых, поужинали и пойдёмте по домам.

Женщины проводили их до двери, ещё раз поблагодарили за помощь, и мужики ушли, громко переговариваясь.

***

Время летело быстро, зиму сменяла весна, весну – лето, лето – осень. Прошло пять лет. Александра зимой ходила на охоту, а летом помогала матери в огороде и занималась воспитанием сына, но каждый день все эти годы ждала приезда Дмитрия. Просыпаясь утром, она думала: «Сегодня, может быть, приедет». Но день проходил, а он не приезжал. Сын однажды спросил, где его папа, Александра посидела, прикрыв глаза и пережидая, когда немного успокоятся закипевшие вдруг горячие слёзы, которые чуть не хлынули из глаз, она не хотела сына пугать и поэтому, посидев и успокоившись сказала:

– Сынок, у папы работы очень много, но он обязательно к нам приедет, надо только немного подождать.

– А ты, мамочка, ждёшь?

– Я жду.

– И я вместе с тобой буду ждать, и тогда, может быть, папа быстрее приедет к нам.

– Хорошо, сынок, давай будем ждать вместе.

Однажды Александра всё-таки решила осуществить свою давнюю мечту: поехать в город и найти Дмитрия. Найти, чтобы просто увидеть. На большее она не рассчитывала, потому что у него могла быть семья. Но Александра уже не могла сопротивляться своему желанию найти и просто хотя бы посмотреть на него. «Сколько же я пережила после нашего расставания! – думала Александра. – Я очень устала от ожидания, от своей совсем не нужной тебе любви, Дима. Я не хочу тебя тревожить, мне очень хочется тебя просто увидеть, чтобы жить дальше. Я очень счастлива, что у меня есть сынок, который так похож на тебя. Жду завтрашнего дня с большим нетерпением, словно праздника! Может быть, завтра я увижу тебя! Если бы ты знал, как я мечтаю об этом. Уже больше пяти лет прошло с нашей встречи, а мне кажется, что это было вчера. И я счастлива, что судьба свела нас в той избушке! Ты даже не знаешь, что у тебя есть сынок. Он такой красивый и очень похож на тебя. Завтра я поеду в город, может, мне повезёт, я найду тебя, чтобы хотя бы просто со стороны ещё раз тебя увидеть».

Дмитрий за эти пять лет ни разу не выбрался на охоту. Об Александре он почти не вспоминал, так... иногда... как мимолётное приключение. Женат он не был, ужинал в кафе, нехитрый завтрак готовил сам, а порядок в квартире старался поддерживать ежедневно, потому что на уборку у него не было времени. Вот и сегодня он пришёл с работы, сел на диван, включил телевизор, чтобы послушать новости, открыл бутылочку пива и только хотел глотнуть пивка, как раздался в прихожей звонок. Он посидел, прислушался, звонок повторился, но уже сильнее и настойчивее. Дмитрий встал и пошёл к двери, посмотрел в глазок и увидел султановских братков, он через дверь спросил:

– Зачем пришли?

– Открой, поговорить надо.

– Не о чем мне с вами говорить.

– Мы же по-хорошему просим открыть, ты же не хочешь, чтобы мы дверь тебе сломали?

– Ладно, заходите. – Дмитрий открыл дверь и отступил в сторону, пропуская их вперёд. Они вошли. Три здоровых бритоголовых амбала с нахальными мордами, не спрашивая разрешения, прошли в комнату, расселились кто в кресло, кто на диван и, когда Дмитрий зашёл следом за ними в комнату, начали допрос: где вчера был? во сколько пришёл домой? кто видел и может ли подтвердить? Дмитрий усмехнулся и спросил:

– Вы к ментам на работу подрядились? Вам, когда нужны были доказательства и свидетели? Мы с Султаном обо всём поговорили, я же ему объяснял, что мне ни к чему мочить ваших братков. Я занят своим бизнесом, и мне некогда заниматься разборками, вон, видите, лежат бумаги, мне надо готовить отчёт в налоговую. А вчера я допоздна был на работе.

– У тебя оружие есть?

– Есть. Карабин, он зарегистрирован, и разрешение на него есть, недавно из полиции приходили проверяли, теперь вы заявили. Я что, перед всеми должен отчитываться?

– Покажи! – проигнорировав вопрос, сказал один из них.

Дмитрий пошёл в кладовку и принёс свой карабин. Сидевший на диване взял его в руки, посмотрел, покрутил, оглядев со всех сторон, и удивлённо сказал:

– Ничего себе ружьё – полуавтоматический карабин «Вепрь». Круто. – Понюхал ствол, потом повернулся к сидевшим в креслах и сказал: – Нет, из него давно не стреляли. – Затем посмотрел на Дмитрия и спросил: – Зачем тебе такой крутой карабин, если ты на охоту не ходишь?

– Почему не хожу? Просто сейчас пока некогда, как-нибудь выберусь, схожу на кабана.

– А ещё оружие есть?

– Я с двух рук стрелять не умею, мне карабина хватает.

– А если мы сейчас обобщем квартиру и найдём.

– Мужики, давайте так: вы показываете, где вы хотите посмотреть, я сам всё вытащу и покажу, а то вы сейчас всё разбросаете, а мне некогда порядок наводить.

– А тебя кто-то спрашивает? – отозвался сидевший на диване, потом повернулся к друзьям: – Идите и общитесь!

Те встали и демонстративно начали выгребать на пол содержимое шкафов, Дмитрий смотрел на них, а внутри закипала злость, он глядел на эти морды с нахальной ухмылкой и думал: «Давайте, ройтесь, сами себе подписываете приговор». Когда всё было выброшено на пол и по вещам потоптались грязными ботинками, один повернулся и сказал:

– Собирайся, поехали к Султану.

– Вы же всё выяснили.

– Мы поспрашивали, а выяснять будет Султан.

– Никуда я не поеду, мне некогда. Беспределом занимаетесь?

– Ты ещё не знаешь, что такое беспредел в нашем исполнении. Может, показать? Тогда нечего будет везти к Султану, а он хотел поговорить.

– А почему сам не приехал?

– А ты кто такой, чтобы Султан к тебе ездил?

– Ладно, поехали. Дмитрий развернулся и пошёл к двери. Распахнув её, он пропустил их вперёд, сказав, что ему квартиру закрыть надо. Они вышли, Дмитрий захлопнул за ними дверь. Бритоголовые начали стучать и пинать дверь.

– Открой и поехали с нами, или ты труп! – орал, видимо, главный в этой тройке.

– Я сейчас вызову наряд полиции, им и расскажете, что вы здесь делаете и что хотите со мной сделать, а свидетелей у меня полно, все соседи слышали ваши обещания и подтвердят.

– Ну смотри, сам напросился.

– Они повернулись и пошли вниз, к выходу.

На следующий день, когда Дмитрий был в своём магазине, занимаясь в кабинете отчётом, который ему не дали вечером закончить, к нему вломились вчерашние бритоголовые во главе с Султаном, пристроили свои жирные зады кто где смог, а Султан встал перед ним и, раскачиваясь с пятки на носок, хрюкнул, видимо хотел хмыкнуть, и спросил:

– Значит, ты хочешь, чтобы для беседы я к тебе приходил, а тебе ко мне прийти западло?

– Во-первых, я этого не говорил, а во-вторых, с какой стати я должен к тебе бежать по первому твоему требованию, ты кто такой?

– А ты не знаешь? Пацаны ведь тебя просили по-хорошему.

– Султан, это ты называешь по-хорошему? Пойдём, я тебе покажу, что они сделали с моей квартирой просто так, от скуки. И после этого ты хочешь, чтобы я подорвался и сломя голову, не разбирая дороги, понёсся к тебе, чтобы предстать пред твои ясные очи?

– Дима, ты не боишься мне такое говорить? – посмотрел Султан на Дмитрия жёстким, холодным взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

– Боюсь. Но я хочу, чтобы ты знал, как к вам относятся люди, и сделал правильные выводы. Надо держать своих людей в строгости, иначе они своим поведением подрывают твой авторитет. То есть ты видишь, получается, что я тебе желаю добра, а ты всё время пытаешься подорвать моё здоровье.

– Я твоим здоровьем пока ещё не занимался. Я к тебе пришёл по другому поводу. Скажи, Дима, у тебя остались знакомства в следственном отделе?

– А куда они денутся? Конечно остались. А тебе зачем? Неужели в полицию собрался заяву накатать на злоумышленника, пострелявшего твоих пацанов?

– Не угадал, я хочу, чтобы ты через своего знакомого узнал про этого стрелка всё, а когда его найдут, чтобы сказал мне.

– Ага, я ещё у тебя в осведомителях не бегал. С ума сошёл? Поищи в другом месте.

– Вот видишь, Дима, ты сам вынуждаешь заняться твоим здоровьем. Я ведь много не прошу, всего одну маленькую услугу.

– Ага! Вы мне квартиру разворочали, магазин забрали, а я вам – услугу. С какой стати?

– Зря ты, Дима, со мной так разговариваешь.

– Да пошёл ты!

Султан повернулся к своим браткам и дал отмашку, те вышли из кабинета, разбрелись по магазину и стали всё скидывать с полок, а некоторые полки переворачивали вместе с деталями, разбили витрины и кассовый аппарат. Магазин превратился в мусорную свалку. Продавец присел на пол в уголке и затих. Султан подошёл к Диме и зло прошептал:

– Не сделаешь о чём прошу, хуже будет, – повернулся и вышел из магазина в сопровождении своих громил.

Дима сел и стал грустно осматривать свой магазин. Потом, отпустив продавца домой, вытащил телефон и стал звонить своему знакомому, с которым много лет проработали в полиции бок о бок, – Василию Тучину. Это был неунывающий здоровяк, но жены боялся, как огня, Татьяна у него была суровой женщиной и любила порядок. Если в выходной его вызывали на работу, то ему долго приходилось отпрашиваться у неё.

– У тебя законные выходные и семья. Ты и так приходишь с работы за полночь. – говорила сурово Татьяна.

Чаще всего, когда надо было поработать в выходные, полковник звонил не Василию, а Татьяне и отпрашивал у неё своего сотрудника на срочный вызов. Василий сразу взял трубку и проговорил обиженно:

– Привет, дружище! Просто так позвонил или дело есть?

– Да нет, просто так. Сижу вот в разгромленном магазине и думаю, зачем я занялся бизнесом, оказывается, это такое хлопотное занятие.

– Боюсь угадать, кто тебя разгромил. Султан со своими придурками?

– Ну да. Только ему есть до меня дело. Стрелка ещё не нашли, который отстреливает его команду?

– Не нашли. Дим, если честно, особенно-то никто и не рвётся его искать, они уже всех достали. Я догадываюсь, кто может быть этим стрелком, – хохотнул Василий, – но тебе не скажу. В следующий раз собрались с собакой выехать на вызов, если ещё кого-нибудь стрелянут.

Они ещё немного поболтали и распрощались, пообещав звонить друг другу. Дмитрий решил, что пора разобраться с Султаном, достал он уже своими наездами. Из разговора с Василием он понял, что тот догадывается о его партизанщине и предупредил, что на вызов поедут с собакой. С этого момента он начал разрабатывать план по устранению ненавистного ублюдка,

который был абсолютно непредсказуем и, если задумал лишить его бизнеса, не посмотрит, что сам с этого бизнеса имеет неплохие бабки. Да ему и пристрелить ничего не стоит.

Глава II

Александра приехала в город, вышла из поезда и, остановившись на перроне, задумалась: «Как же мне в этом большом городе найти Дмитрия?» Он говорил, что у него сеть магазинов автозапчастей, значит, в любом таком магазине должны его знать, надо ходить по магазинам и спрашивать о нём, кто-нибудь да скажет, где его можно найти. В первом же магазине с ней пошутили, но, где найти Дмитрия, не сказали. Когда она про него спросила, продавец поинтересовался:

– А зачем вам Дмитрий, может, я подойду?

Она ответила в том же духе:

– Таких, как ты, в базарный день десяток на рубль дают.

Продавец обиделся, посмотрел на неё и зло сказал:

– Вали отсюда, придурочная, пока не схлопотала!

Александра хмыкнула, повернулась и вышла из магазина. Подошла к машине, которая стояла перед магазином, там мужчина сидел за рулём, она наклонилась к окошку и спросила:

– Извините, а вы не скажете, где есть ещё такой магазин, как этот?

Мужчина ей рассказал, как до него добраться, она, поблагодарив, отправилась в следующий. Так она обошла несколько магазинов, потратив кучу времени, потому что ходила по городу пешком, так ей было привычнее, да и деньги тратить не хотелось, но узнать ничего не удалось. Время близилось к вечеру, и она решила зайти в кафе перекусить и отдохнуть немного. Пока не спеша обедала, а скорее даже ужинала, обдумывала, куда идти дальше. Задумавшись, не заметила, как к ней за столик подсел молодой человек и смотрел на неё не сводя глаз, а когда она обратила на него внимание, он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.